

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 2 (42). С. 144–155

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 2 (42), pp. 144–155

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-144-155>, EDN: ETMDIC

Научная статья

УДК 821.19.09-343.4+929[Агаян+Туманян+Зорьян]

Аксиологические характеристики сюжетов в армянских литературных сказках

В. И. Карасик

¹Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Россия, 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

²Смоленский государственный университет, Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ¹профессор кафедры общего и русского языкознания, ²профессор кафедры русского языка как иностранного, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Аннотация. Рассматриваются ценностные характеристики сказочного сюжета, понимаемого как структура повествования о чудесных событиях, излагаемого с целью построения должной картины мира в занимательной форме и рассчитанного преимущественно на юных слушателей или читателей. Охарактеризованы компоненты сказочного сюжета – сюжетные мотивы, предполагающие выбор героя и продвигающие определенные ценности, нормы и обыкновения. Показано, что литературная сказка отличается от фольклорной, как правило, более сложной сюжетной линией, индивидуально-авторской спецификой изложения и оценки и факультативностью счастливого конца. Проанализированы сюжеты сказок Г. Агаяна, О. Туманяна и С. Зорьяна. Выявлены аксиологические характеристики армянских литературных сказок, которые сводятся к подтверждению базовых общечеловеческих ценностей, с одной стороны, и акцентированию национально-культурной специфики армянской картины мира, с другой стороны. Эта специфика состоит в описании реалий армянской культуры, в именах собственных, раскрывающих характер персонажей, в характеристиках волшебных существ, населяющих сказочный мир Армении и сопредельных стран (вишапы и дэвы), и в лингвокультурных концептах, отражающих суровые условия выживания народа и подчеркивающих значимость ремесла как статусной характеристики человека, теплоту семейных уз, критику жестокой власти и интеллектуальной несостоятельности персонажей.

Ключевые слова: армянская литературная сказка, сюжет, сюжетный мотив, ценность, картина мира

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00339 «Электронный ресурс “Армянский текст русской поэзии”: репрезентация локального текста русской литературы»).

Для цитирования: Карасик В. И. Аксиологические характеристики сюжетов в армянских литературных сказках // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 2 (42). С. 144–155. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-144-155>, EDN: ETMDIC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Axiological characteristics of subject plots in Armenian literary fairy tales

V. I. Karasik

¹Pushkin State Russian Language Institute, 6 Acad. Volgin St., Moscow 117485, Russia

²Smolensk State University, 4 Przhevalsky St., Smolensk 214000, Russia

Vladimir I. Karasik, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Abstract. The paper deals with evaluative characteristics of a fairy tale subject plot treated as a structure of a story about miraculous events narrated mainly to young listeners or readers in an entertaining mode and meant to form in their mind the right world view. The components of a subject plot are its motifs – consequences of actions determined by the choice made by a hero and promoting certain values, norms and practices. A literary

fairy tale is an elaborated variant of a folklore story, it usually has a more complicated line of events, it is characterized by individual style of a writer in narration and evaluation of the content, and a happy end is optional in it. The fairy tales by G. Agayan, O. Tumanyan, and S. Zoryan have been analyzed. Axiological properties of these subject plots have been explained. They promote universal human values and specific features of the Armenian world view. Such specificity consists in the description of Armenian realia (nature, dress, food, etc.), the proper names which reveal the heroes characters, the description of magical creatures who inhabit the fairy tale world of Armenia and neighboring countries (mainly *vishaps* and *devas*), and in linguistic cultural concepts reflecting severe conditions of life and survival and emphasizing the importance of craft as a personal status, the warmth of family ties, critical exposure of cruel authorities and intellectual incapacity of people.

Keywords: Armenian literary fairy tale, subject plot, motif, value, world view

Acknowledgments. This work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00339 entitled “Electronic resource “Armenian text of Russian poetry” representation of local text in Russian literature”).

For citation: Karasik V. I. Axiological characteristics of subject plots in Armenian literary fairy tales. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 2 (42), pp. 144–155 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-144-155>, EDN: ETMDIC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Важнейшей функцией языка является концентрированное хранение культуры в виде закодированных ценностей в содержании языковых единиц и речевых жанров. К числу таких жанров, выработанных для передачи опыта от поколения к поколению, относятся сказки. Закономерным развитием фольклорной сказки стала сказка литературная, которая представляет собой индивидуально-авторское повествование о волшебных событиях с выраженными предписаниями правильного поведения. Основу любого повествования составляет его сюжет, систематизация таких сюжетов дает возможность установить общечеловеческие и этноспецифические ценностные картины мира. Цель данной работы состоит в определении лингвокультурной специфики развития сказочных сюжетов и составляющих их сюжетных мотивов, отражающих важнейшие условия бытия. В качестве материала для анализа рассматриваются армянские литературные сказки¹.

Сюжет литературной сказки как предмет лингвокультурного изучения

Жанр сказки неоднократно привлекал к себе внимание исследователей как базовый художественный нарратив [1–10]. Важнейшими функциональными признаками этого жанра является типовое понимание рассказчика и адресата – сказку должен рассказывать умудренный представитель старшего поколения ребенку для передачи главных ценностей культуры своего сообщества – типовых пра-

вил поведения в сложной жизненной ситуации. Такие ситуации моделируются в виде испытаний главного героя, требующих от него определенного выбора и включающих различные чудесные превращения. Фольклорная сказка непременно завершается счастливым исходом испытаний, поскольку вера в успешное завершение начатых дел является непременным условием становления характера героя и адресата. Литературная сказка в этом плане представляет собой усложненное развитие сказочного испытания, ее адресатом может быть как ребенок, так и взрослый, ее дидактический потенциал отступает на второй план, в то время как на первый план выходит осмысление реальной жизни в ее различных проявлениях, счастливый конец при этом факкультативен.

Теоретической базой данной работы являются исследования, посвященные изучению сюжетов и сюжетных мотивов [11–17]. Под сюжетом в данной работе понимается авторское изложение событий в художественном произведении, сюжетный мотив трактуется как ход в развитии сюжета, предполагающий выбор со стороны героя и определяющий развитие сюжета. Выбор обусловлен определенными приоритетами, которые сводятся к ценностям, нормам и обыкновениям соответствующего героя и общества. Верный выбор ведет к выполнению желаний и целей героя и одобряется обществом, неверный выбор приводит к наказанию и страданиям протагониста и в ряде случаев к бедствиям общества [18]. Изложение и описание различных сюже-

¹Сказки армянских писателей: сборник / пер. с арм. Э. Налбандян и др., сост. и предисл. С. Гуллакян. Ереван : Советакан грох, 1988. 352 с.

тов образует содержательную ткань культуры в ее различных жанрах [19].

Главные сюжеты, объяснявшие основу мироздания, изначально были изложены в мифах [20–23]. В научной литературе установлены отличия между мифом и сказкой, состоящие в наборе контрастивных дифференциальных признаков: 1) ритуальность либо неритуальность, 2) сакральность либо несакральность, 3) достоверность либо недостоверность, 4) этнографически конкретный либо условный тип фантазии, 5) мифический либо немифический герой, 6) доисторическое либо внеисторическое время, 7) указание причин событий (этиологичность) либо отсутствие такого указания, 8) коллективность либо индивидуальность объекта изображения [24]. С иных позиций различия между мифом и сказкой сформулированы следующим образом: 1) отсутствие либо наличие дидактичности, 2) пралогическое либо подчеркнуто логическое мышление, 3) отсутствие либо наличие личностного начала сказителя [25]. Заслуживает внимания вывод цитируемого автора о том, что наша эпоха характеризуется тем, что ее характерным признаком является сказочность, а не мифологичность. Это проявляется в том, что сверхправда, составляющая суть мифа, более не волнует наших современников, им интересен вымысел, способный удивить и развлечь, они готовы верить в сказки. Именно поэтому наше информационное пространство наполнено фейками. Следует уточнить: есть определенные типы дискурса, противоположные сказочному: это деловой, юридический и научный дискурс. Вместе с тем активное распространение развлекательно-фейковой информации под видом просветительского дискурса в масс-медиа и социальных сетях свидетельствует о том, что территория истины сокращается.

В научных исследованиях отмечена особая логика мифа, отличающаяся от логики повседневной жизни [26]. Но существует и логика сказки, обусловленная главной целью сказочного дискурса – построением должной картины мира. Принципиально важным также является тезис о том, что «художественный текст предполагает одновременную референцию к поэтическому миру текста, мирам литературной традиции, мирам истории, персональному миру читателя и т. д.» [27]. Такая множественная референция делает художественный текст фактом культуры. Отсюда вытекает и тезис о возможности множественной интерпретации текста художественного и во многих случаях также и нехудожественного, значимым является противопоставление истинно культурных, квазикультурных и псевдокультурных значений [28]. Одним

из аспектов интерпретации художественного текста является определение и описание его ключевых концептов. В работах исследовательницы анализируется этнокультурная специфика важнейших концептов сказочного текста, это, прежде всего, концепты «чудо» [29–30], «волшебство» [31], «доброта» [32], «трудолюбие» [33, 34]. Отметим ценностное содержание этих концептов, их очевидную дидактичность. Ценностные характеристик реальности являются основой лингвокультуры [35–37].

Аксиологические характеристики сказок Газароса Агаяна

Обратимся к армянским литературным сказкам.

Прекрасным образцом рассматриваемого жанра является сказка Газароса Агаяна (1840–1911) «Анаит». Краткое содержание этой сказки таково:

Царский сын встречается у колодца очень красивую девушку, дочь пастуха, и влюбляется в нее. Местные жители отмечают, что она очень умна и делает великолепные ковры. Его родители вначале пытаются отговорить сына от свадьбы с ней, но он непреклонен. Посылают к ее отцу сватов, пастух заявляет, что решение его дочь принимает сама. Девушка говорит сватам, что молодой человек ей понравился, но она дала обет выйти замуж только за того, кто владеет какой-либо профессией. Царевич решил научиться ткать парчу и за год стал замечательным ткачом. Сыграли свадьбу, через некоторое время родители царевича умерли, он принял царство и мудро правил и вместе со своей женой. Она посоветовала ему узнать, как на самом деле живет народ, и для этого в переодетом виде пойти по городам и деревням и посмотреть на своих подданных. Молодой царь в своих странствиях попадает в некий город, где сталкивается со жрецом, который заманивает его в огромную пещеру, в которой трудятся изможденные рабы, а тех, кто не владеет каким-либо ремеслом, убивают и варят в котлах. Обитатели пещеры ему сообщают, что этот жрец – колдун. Среди этих рабов он встречается своего слугу, с которым вместе вырос. Пленникам предлагают выполнить работу на их выбор, главный герой делает замечательную золотую парчу и говорит, что по достоинству его изделие сможет оценить только царица этой страны. Помощник главного жреца приносит парчу царице, она замечает на ткани зашифрованное послание, в котором царь просит ее срочно помочь ему. Она собирает войско, идет войной на этот город,

разбивает двери пещеры, освобождает пленников, наказывает жрецов и возвращается со своим мужем домой. Население города отказывается от идолопоклонства и принимает христианство.

Основная идея этой сказки состоит в том, что человек должен владеть каким-либо ремеслом, и это поможет ему в жизни. Вместе с тем в повествовании прямо выражены базовые установки поведения: любовь выше сословного неравенства; мудрые правители не препятствуют выбору своих детей; девушка сама принимает решение, за кого ей выйти замуж; правитель должен пойти в народ, чтобы узнать, как живут люди; жрецы могут заманить наивных людей в ловушки; идолопоклонство сопряжено с человеческими жертвами; жена спасает своего мужа, попавшего в беду.

Обратим внимание на значимое имя героини: Анаит – это древняя армянская богиня плодородия и материнства, после принятия христианства она ассоциируется с Богородицей. Во время отсутствия мужа царица мудро правит государством. Главная героиня соединяет в себе все человеческие достоинства: она красива, умна и добра. В сказках разных народов наблюдается гендерная асимметричность образов главных героев: женщина обычно показана как идеал, как предел максимального развития, а мужчина становится сильнее и мудрее, преодолевая препятствия и общаясь с любимой женщиной.

Основой литературной сказки «Анаит» является фольклорная история о чудесном спасении женой любимого мужа. В других более распространенных вариантах муж спасает жену, которую заколдовали или похитили.

Видна прямая ассоциация между подземной пещерой и адом, при этом в христианский ад попадают грешники, а в языческую пещеру заманивают обычных людей. Такое изображение подземного царства является сильным аргументом в противостоянии политеистического и монотеистического мировоззрений: в том мире, где правят антропоморфные боги, не прослеживается идея высшей справедливости, человеком правит случай, и царство мертвых – это место, где со временем оказываются все. В трехуровневом пространстве богов, живых и умерших людей каждый уровень – это сфера пребывания его обитателей вне зависимости от их поступков, герои могут иногда подниматься к богам или спускаться в царство мертвых. В трехмерном монотеистическом мире противопоставляются данный мир живых людей, с одной стороны, и рай и ад, куда попадают после смерти праведники и грешники, с другой стороны. Переход в иной мир – это награда или наказание.

В рай или в ад нельзя попасть случайно или по ошибке. Видна общая логика исторического развития культуры, состоящая в возрастании ответственности за свои действия. Отметим, что в древности были люди, жизнь которых является примером ответственности, а в наши дни значительная часть населения находится на стадии архаичного существования, для которого значимы утилитарные, а не моральные ценности.

Интересно, что в древнем мироустройстве определенные характеристики богов как вершителей судеб приобретают правители людей. Помощник главного жреца наказан за свою жадность: он хотел присвоить себе деньги за золотую парчу, но после того, как царица прочитала вытканное золотом послание, этого человека бросают в тюрьму, и в дальнейшем его загрызает пёс.

В этой сказке показаны два ремесла, получивших распространение в древней Армении и сопредельных странах – ковроткачество и изготовление парчи. Изделия таких мастеров нередко являлись произведениями искусства.

Обратим внимание на необычное для патриархальной культуры положение дел: женщина ведет войско и сама лично сражается с врагами, среди которых есть и сказочные существа – дэвы, великаны с огромными головами. Образ женщины-воина представляет собой реминисценцию матриархальной культуры. Заметим, что в этом сюжете христианство распространяется не миссионерами, а воинами, захватывающими языческую страну: после победы Анаит все население прошло крещение, погрузившись в воды реки, протекавшей поблизости.

Правитель, в переодетом виде гуляющий по городу, – постоянная тема ближневосточных сказок. Так поступают калифы в арабских повествованиях. Отсюда следует вывод о том, что придворные обычно лгут царю о жизни народа. По-видимому, это противостояние доброго монарха и злых царедворцев является архетипическим, и хождение в народ выступает в качестве знака единства царя и народа.

Встреча у колодца является знаковой во многих повествованиях. Вспомним о встречах, описанных в Библии: Иаков встречает Рахиль, Моисей – свою будущую жену Сепфору, Иисус встречает самаритянку. Подчеркивается символическая роль воды как источника жизни. Царевич просит девушек дать ему и его товарищу воды из колодца, но Анаит вначале выливает воду, и лишь в шестой раз передает кувшин молодому человеку. Потом выясняется, что она не хотела, чтобы эти люди заболели, выпив разгоряченными холодной

воды. Таково прямое объяснение этого поступка, но есть и более глубокое объяснение: нужно подготовиться к восприятию настоящей реальности.

Тема встречи красавицы и чудовища, которое потом превращается в прекрасного принца, тиражируется в сказках разных народов. Вспомним «Аленький цветочек» С. Т. Аксакова и «Красавица и чудовище» (в качестве автора часто указывается Ш. Перро). Эта тема следующим образом раскрывается в сказке Г. Агаяна «Одзаманук и Аревахат».

У одного царя не было детей, он страстно мечтал о наследнике и однажды, гуляя в саду, увидел змею-василиска с ее детенышами. Царь взмолился о том, чтобы небо и ему послало хотя бы змееныша. Через некоторое время его жена родила такое существо, которое стало быстро расти и превратилось в вишапа – огромного змея, кричащего от голода. Царские советники сказали, что этому вишапу нужно давать девушек для поедания, и лучше их захватывать в других странах, чтобы не настраивать против себя своих подданных. В соседней стране жила добрая и красивая девушка, у которой умерла мать, отец женился вновь, и мачеха возненавидела свою падчерицу. Злая женщина заставляла девушку постоянно работать, била и унижала ее. Однажды мачеха услышала о том, что неподалеку в долине поселилось чудовище, и отправила падчерицу пасти скот в то место. Там девушка встретила с доброй старушкой-волшебницей, получила от нее благословение и изумительно красивое платье в подарок. На обратном пути домой ее похитили слуги царя, искавшие тех, кого можно принести в жертву вишапу. Девушка нарядилась в свое новое платье, без страха подошла к огромному змею и приказала ему по совету волшебницы сбросить шкуру. Шкура лопнула, и появился прекрасный принц. Слуги сообщили об этом царю и царице, и затем семь дней продолжалась свадьба этого принца и девушки.

Имена героев этой сказки являются ориентирами для развертывания сюжета: Одзаманук – змееныш и Аревахат – крупинка солнца. Основная идея этого повествования – за внешностью чудовища может скрываться хороший человек. Такая идея часто получает противоположное выражение: приятная внешность может быть обманчивой. Но в этой сказке реализуются и другие установки поведения: искренняя просьба к Богу будет услышана; нужно смиренно принимать то, что послано небом; обычно мачехи не любят приемных дочерей (падчерица всегда красивее, чем собственная дочь); на помощь доброй

падчерице приходит волшебница; есть волшебное средство, в частности заклинание, в результате которого заколдованное чудовище превращается в прекрасного принца.

Первая часть сказки представляет собой развернутое введение к повествованию. Змеи играют важную роль в культуре Древнего Востока. Если в странах Запада змея (и ее мифическая ипостась – дракон) является воплощением зла (это в полной мере соответствует библейскому сказанию о грехопадении первых людей), то на Востоке змея воспринималась диалектически – и как источник опасности, и как символ высшей мудрости. Это относится и к ящерам. В Китае император носил титул Сын Дракона. В армянской традиционной культуре сохранилось древнее почтительное отношение к змее, хотя мифический вишап к змеям может быть отнесен с некоторыми оговорками, поскольку древние каменные изваяния вишапкар (арм.: вишап + камень) показывают, что эти существа в большей степени похожи на рыб, чем на змей. Нельзя отбрасывать и древний ближневосточный культ змееподобного бога Дагона. В сказке отмечено, что царь увидел в своем саду змею-василиска, т. е. существо, способное убивать своим взглядом, и возможно, что именно оно услышало просьбу монарха. В итоге на свет появляется существо, способное менять свою форму, метаморф – змей, который может принять человеческий облик, но не по своей воле, а только после того, как будет произнесено заклятие.

Вторая часть этой сказки соответствует традиционной легенде о Золушке. Обратим внимание на гендерное распределение сказочных сюжетов: сказки для мальчиков нацелены на формирование сильного характера и умения преодолевать испытания, а сказки для девочек – на выработку терпения и надежды на чудесную встречу с любимым человеком. Разумеется, у девочек есть свои испытания: прототипным сюжетом является нарратив о мачехе и падчерице. Обратим внимание: отношения отчима с приемными детьми не находят отражения в сказках, и, аналогичным образом, значимыми оказываются образы тещи и свекрови в анекдотах, а не тестя или свекра. Добрая и красивая девушка должна встретиться с волшебной помощницей, получить чудесное средство для встречи с будущим мужем.

В третьей части этого сюжета говорится о встрече героини с чудовищем. Девушка должна пройти испытание: чудовище может испугать и уничтожить ее. Победить монстра можно только бесстрашием или своей любовью к нему. Интересным направлением для этнокультурной интерпретации этой сказки мо-

жет стать ее осмысление в космогоническом ключе: женское начало в виде солнца и его воплощения в лице главной героини и мужское начало в виде змеи как исконного порождения земли.

Весьма своеобразен сюжет сказки Г. Агаяна «Занги-Зранги».

В одной семье родилась девочка. Ее старший брат был уже взрослым. Через некоторое время в доме стали исчезать все съестные запасы. Юноша спрятался и увидел, что его сестра выскакивает из колыбели и съедает всё. Он рассказал об этом матери и сказал, что это не человек, а дэв или вишар, который потом их всех съест. Родители ему не поверили, он ушел из дома. Скитаясь, он познакомился с семьей слепых стариков, стал их названным сыном, однажды попал на свадьбу дэвов, хитростью заманил чудищ в ловушку и получил от них глаза, похищенные у его названных родителей. Затем он встретился с гигантской собакой, похитил двух ее щенков, которым дал клички Занги и Зранги и которые стали его верными псами. Через некоторое время он захотел навестить своих родителей, пришел домой и увидел, что в деревне никого нет, кроме его сестры. Он поговорил с ней и понял, что она собирается его съесть. Через некоторое время он убежал из дома, она бросилась за ним в погоню, он забрался на дерево, перепрыгнул на другое, а чудовище прогрызло стволы. Старики, приютившие его когда-то, почувствовали, что он в опасности, пустили его верных псов на помощь ему. Те загрызли монстра, при этом юноша взял капельку крови своей сестры, завернув ее в листок дерева. После этого он встретился с купцом, который предложил ему обменять свой караван на его псов. Он отгадал загадку купца, стал владельцем каравана, а капля крови у него за пазухой превратилась в огромную змею, которую он сумел убить. Затем он выбрал себе невесту и женился. Сказка завершается благопожеланием: «Они достигли своего счастья, да достигнете и вы своего».

Трудно однозначно сформулировать некое предписание поведения, которое можно было бы истолковать как норму, вытекающую из этого повествования. Общий смысл этого нарратива сводится к наблюдению, что в жизни бывают разные неожиданные и опасные повороты. Сюжетная линия этой сказки похожа на нить в лабиринте, ответвления в котором не очень связаны между собой. Первый сюжетный мотив состоит в том, что в самой добропорядочной семье может появиться на свет чудовище. Это соответствует русской пословице «В семье не без

урода». Поведение сына, бросающего своих родителей на произвол судьбы, противоречит этическим нормам. Но затем появляется возможность обрести новую семью, молодой человек возвращает своим названным родителям их украденные глаза. Третий сюжетный мотив – похищение щенков – не безупречен в моральном плане, но похититель выражает их с любовью и получает любовь и преданность в ответ. Память о своей семье заставляет героя вернуться домой, несмотря на то, что он знает главное о своей сестре. Этот эпизод представляет собой наглядный пример того, чего не следует делать. Верные псы спасают своего хозяина, но главный герой зачем-то сохраняет капельку крови своей сестры, пытавшейся его съесть. Это еще один пример типичной жизненной ошибки: разрывая нити, связывающие человека с бедой, не следует оставлять себе возможность возвращения в прошлое. Образ змеи за пазухой является универсальным символом пренебрежения опасностью. Счастливым концом в этой сказке в какой-то мере является неожиданным. Такова своеобразная одиссея в этой авторской сказке. Этот текст архаичен и не вписывается в систему прямых предписаний должного поведения. В фокусе оказываются только утилитарные правила поведения, за исключением выражения благодарности тем, кто делает нам добро.

Аксиологические характеристики сказок Ованеса Туманяна

Сюжеты литературных сказок, созданных великим армянским поэтом Ованесом Туманяном (1869–1923), менее орнаментальны и более дидактичны. Показательно повествование «Глупец».

Жил на свете глупец, прозябавший в нужде, и решил он отправиться в путь, чтобы встретиться с Богом, чтобы попросить чего-нибудь для себя. По пути ему встретился волк. Зверь узнал о цели путника и попросил его передать Богу просьбу – позаботиться о голодном волке. Затем глупец повстречал красивую девушку. Она попросила его замолвить слово перед Богом, чтобы Он послал ей счастье. Наконец, подошел странник к иссохшему дереву, стоявшему на берегу пруда. Дерево попросило его, чтобы Бог вернул ему листву. Через некоторое время глупец увидел Бога, явившегося в виде седовласого старца, и обратился к Создателю с просьбой о богатстве и удаче. Бог ответил, что пошлет это ему. Путник рассказал Творцу и о просьбах голодного волка, красивой девушки и иссохшего дерева. Бог дал на всё ответы, и глупец отправился

в обратный путь. Встретившись с деревом, глупец сказал ему, что под корнями зарыт клад с золотом, которое нужно вырыть, и потом дерево зазеленеет. Оно попросило глупца сделать это, но тот отказался, говоря, что торопится получить свою удачу. Затем он встретился с красавицей и передал ей ответ Бога: нужно найти хорошего человека и жить с ним в любви и согласии. Девушка предложила ему стать его женой, но он отказался, говоря, что торопится получить свою удачу. Встретившись с волком, он рассказал зверю о дереве и девушке и передал ему ответ Бога: Будешь рыскаешь голодным, пока не найдешь глупца. И волк сожрал дуралея.

Эта короткая сказка представляет собой притчу, в ней аллегорически выражены образы земного счастья – благополучие, богатство, любовь. Основная идея этого повествования – только глупец отказывается от счастья. Кроме того, в тексте выражены и другие ценности: Бог готов помочь любому существу, обращающемуся с просьбой; зарытый клад (сокровище, которым не пользуются) не дает возможности жить; тот, кто отказывается от любви, нарушает заповедь Бога; глупцу невозможно помочь. В этой сказке нет счастливого конца, такое завершение событий типично для басен или притч.

Притчей является и сказка О. Туманяна «Кувшин с золотом».

У бедного крестьянина окопели его волю, и он отдал свою землю внаем соседу. Вспыхивая эту землю, сосед наткнулся на кувшин с золотом и побежал к хозяину надела, чтобы отдать ему этот клад. Тот кувшин не принял, говоря, что владельцем золота должен быть нашедший его. Они стали спорить и пошли решать свой спор к царю. Жадный царь сказал, что поскольку вся земля принадлежит ему, то и находка тоже должна достаться ему. Он приказал придворным доставить ему этот кувшин, но открыв его, увидел там змею вместо золота. Рассерженный царь приказывает наказать простолудинов, обманувших его, и вновь посылает придворных проверить, что находится в кувшине. Те смотрят и видят – там золото. Вновь клад приносят царю, и вновь там оказываются змеи. Царь зовет мудрецов, и те объясняют, что беднякам кувшин послан как награда за их честность и труд, а для того, кто хочет отобрать чужое счастье, там оказываются змеи. Царь принимает это объяснение, но остается вопрос – кому же все-таки отдать кувшин. Мудрецы узнали, что у крестьянина и его соседа подросли сын и дочь,

и предложили поженить детей и отдать им богатство.

Главная идея этого повествования – только достойным должно доставаться благо. Этот сюжет и в XIX веке, когда была написана сказка, и в наши дни остается прекрасной мечтой о справедливом устройстве мира. Обратим внимание: бедные крестьяне спорят не из-за того, что каждый из них хочет забрать себе кувшин, а из-за того, что не считают себя вправе владеть сокровищем. Четко проводится в жизнь мысль о том, что бедные люди ведут себя честно и бескорыстно. Эту идею впоследствии сделали основой своей идеологии многие революционеры. В сказке осуждается жадный царь. Образная антиномия «золото – змеи» становится символическим ключом этого текста. Далее мы сталкиваемся с идеальными сюжетными мотивами: честные мудрецы объясняют царю положение дел, не страшась того, что он их прикажет казнить. И, как это ни парадоксально, царь соглашается со своими советниками. Этот поступок царя в значительной мере оправдывает его в глазах его подданных. Заключительный фрагмент сказки выглядит несколько искусственно, но понятно, что в этой ситуации крестьяне не могли организовать колхоз или передать деньги на благотворительные цели. Можно вывести из этого текста жизненный совет: в сложной ситуации нужно обращаться за помощью к мудрым опытным людям. Интересно, что Туманян-поэт в своих произведениях не похож на Туманяна, рассказывающего сказки. Его лирика лишена назидательности. Жанр сказки заставляет автора критически и иронично оценивать реальность.

Наряду со сказками-притчами перу О. Туманяна принадлежат и повествования о волшебных испытаниях и превращениях. Такова сказка «Безрукая девушка».

Жили некогда брат и сестра. Девушка была очень красивой и доброй. Брат женился, и его жена возненавидела сестру своего мужа. Она бьет в доме посуду и затем говорит, что это сделала сестра, выгоняет любимого коня своего мужа, обвиняя в этом сестру, но муж не поддается на уговоры. Наконец, она убивает своего собственного младенца и кладет окровавленный нож в карман бедной девушки. Суд признает ее виновной, ей отсекают руки и выгоняют ее из дома, оставляя в густом лесу. Спасаясь, она забирается в дупло и там живет. Через некоторое время в этом лесу оказывается сын местного царя на охоте. Собаки начинают лаять, девушка спускается из дупла, царевич очарован ее красотой и хочет на ней жениться. Родители его

вначале отговаривают, затем соглашаются с ним. Играют свадьбу, а затем царевич уезжает по делам в дальние края. Рождается ребенок, красивый золотокудрый мальчик. Царь и царица пишут письмо сыну, сообщая ему эту новость. По пути гонец останавливается в том доме, где живут брат героини и его злая жена, та узнает о новостях и подменяет это письмо. Теперь в нем говорится, что жена царевича родила щенка. Царевич огорчился и в ответном письме просит хранить дитя. На обратном пути гонец вновь останавливается в том же доме, и злая женщина вновь подменяет письмо. Теперь в нем сказано, что выродка нужно привязать к груди женщины и выгнать ее из дома. Блуждая, бедная героиня находит колодец, хочет напиться и роняет ребенка в воду. Сзади оказывается седой старик, который говорит ей, что она может спасти ребенка, если достанет его из воды руками – у нее появились руки. Возвратившись домой, царевич отправляется на поиски жены. По пути он встречает странника, который ищет свою сестру, и они продолжают путь вдвоем. После нескольких лет поисков царевич открывает караван-сарай в надежде, что кто-нибудь из странников сообщит ему важную информацию. Туда же переезжает и брат девушки с женой. Однажды в этот караван-сарай приходит нищенка с мальчиком, ее пускают переночевать, и она рассказывает о том, как злая женщина обогнала ее, как ей отрубили руки, как она повстречалась с царевичем и как ее выгнали из дворца с ребенком. Царевич и брат узнают ее, а злую невестку привязывают к хвосту бешеной лошади и отпускают на волю.

Основная идея этого повествования состоит в том, что добро непременно восторжествует, а зло будет наказано. Отметим важные сюжетные мотивы в этой сказке. Злая невестка идет на чудовищное преступление, чтобы прогнать ненавистную сестру своего мужа. Отсюда следует, что зависть и ненависть приводят к ужасным поступкам. Бедной девушке отрубает руки. Вывод: бывает так, что суд принимает ошибочное жестокое решение. Девушка встречается с царевичем и становится его женой. Вывод: возможны чудесные встречи. Эпизоды с подменой писем говорят нам, что информация может быть искаженной. Чудесное исцеление безрукой женщины является собой ее преобразование, и мы понимаем, что седой старик был послан свыше, чтобы восстановить справедливость. И завершение этой сказки в виде повествования внутри повествования является свидетельством неопределенности судьбы. Царевич находит же-

ну, брат – свою сестру, и злая невестка получает по заслугам.

Не исключено, что автор намеренно дважды цитирует В. Шекспира – в «Гамлете» также фигурирует подмена письма, а инсценировка убийства короля похожа на рассказ нищенки о своих злоключениях. Видна интертекстуальная связь мотива подмены писем со сказкой А. С. Пушкина о царе Салтане. Бытовые эпизоды пересекаются с волшебными: в реальной жизни безрукая девушка вряд ли спаслась бы в лесу. Сомнительно, что царь с царицей выгнали бы вон жену своего сына со своим внуком, даже если бы сын на этом настаивал. Но в сказке действуют условности волшебного повествования. Заслуживает внимания эпизод чудесного исцеления героини: она получает руки, уронив ребенка в колодец. Это важный вывод, который нужно усвоить: чудесное спасение приходит в момент пограничного состояния – потери самого дорогого.

Финальный развернутый эпизод в караван-сараяе представляет собой диалог основных участников этой драматической истории – царевича, брата, его жены и главной героини. Ее не узнали ни муж, ни брат. Это неузнавание также является значимым и интертекстуально связано с возвращением Одиссея в Итаку. Жена брата чувствует приближение развязки и во время рассказа нищенки постоянно перебивает ее, обвиняя ее во лжи. Злую невестку привязывают к хвосту лошади, и там, где капает кровь злодейки, вырастают терновник и волчец, колючие травы, а из ее слез возникает озеро. Такой самосуд не вызывает протеста. Торжество добра органически связано с наказанием зла.

Аксиологические характеристики сказок Стефана Зорьяна

Интересны и поучительны литературные сказки Стефана Зорьяна (1889–1967). Образцом этого жанра является повествование «Светящаяся шкура».

У одной женщины был сын, жили они в бедности. Когда мальчик подрос, он захотел стать охотником, как и его отец, взял лук и стрелы, отправился в горы и однажды увидел светящегося зверька, которого ему удалось подстрелить. Шкурка этого зверька освещала хижину как свеча. Узнав об этом, царский министр захотел отнять у мальчика эту шкурку, тот отказался, об этом узнал царь, приказал принести шкурку ему. Но во дворце шкурка перестает светиться, и тогда министр дает царю совет: для свечения этот предмет нужно поместить во дворец из слоновой кости, а добыть эту кость в нужном количестве сможет тот

юноша, который сумел получить светящуюся шкурку. Мать мальчика дает ему совет, как собрать слоновую кость, он выполняет то, что сказала его мать. Построен дворец, но шкурка все равно не светится, а за стенами дворца она излучает свет. Тогда министр советует царю разбить возле дворца пышный сад, в котором росли бы цветы и деревья со всех концов земли, били фонтаны и пели птицы. Добыть эти растения вновь поручают молодому человеку. Его мать дает ему советы, как это можно выполнить. Он доставляет деревья и цветы, но шкурка не светится. Вместе с деревьями и цветами юноша привозит девушку невиданной красоты, свою будущую невесту. Царь хочет отобрать эту девушку себе, но та заявляет, что пойдет замуж только за бессмертного человека, а для этого нужно достать живую воду. Это поручение вновь должен выполнить главный герой. Мать и невеста объясняют ему, где и как можно найти живую воду, он отправляется в путь, отогревает замерзшую птичку, и та в клюве приносит ему заветную воду, которой он наполняет кувшин. Вернувшись, юноша объясняет царю и его министру, что для получения бессмертия нужно разогреть котлы с водой, добавить туда живую воду и погрузиться в них. Царь и министр так и поступают и оказываются сваренными заживо, молодой человек становится хозяином дворца и сада, а светящаяся шкурка озаряет по ночам каждый уголок дворца.

Светящаяся шкурка, как и перо жар-птицы в русских сказках, является символом чудесного обретения. Основная идея этого повествования – чудо предназначено только достойному человеку. В сюжетных мотивах сказки отражены ценности и нормы поведения: шкурка не светится в царском дворце, дворец метафорически становится местом тьмы, исходящей от его обитателей, прежде всего от царя и его первого министра, следовательно, обладание властью и богатством портит людей; мать всегда даст лучший совет своему сыну, сердце матери – источник мудрости; люди готовы пойти на всё для обретения бессмертия, и такие попытки лишь ускоряют приближение смерти. Обратим внимание на некоторые дополнительные нормы поведения: мать пытается отговорить сына от охотничьего промысла, но он упорно следует своему призванию; министр дает юноше, казалось бы, невыполнимые задания, которые в итоге укрепляют героя; любящая невеста находит способ избавиться от неприятного ухажера (отметим, что царю нужна ее любовь, т. е. ее душа, поэтому он выполняет ее требования). Сказка завершается

переворачиванием позиции главного героя: бесправный становится властителем, бедняк получает немыслимые богатства. На этом сказочные превращения завершаются, описание их дальнейшего развития перевело бы текст из повествования о чудесах в критический реализм повседневной жизни.

Тема искусства как волшебства воплощена в сюжете сказки С. Зорьяна «Чудесная свирель».

Жил на свете мальчик, который умел играть на свирели так, что все вокруг не могли наслушаться. Но мачеха не любила ребенка и уговорила мужа прогнать сына, иначе она умрет. Муж дал ей клятву выполнить ее просьбу. Он берет мальчика с собой, заводит в далекий густой лес и оставляет там одного. Мальчик залезает на дерево и играет на своей свирели так, что дикие звери пускаются в пляс. В лесу появляются охотники, просят его сыграть, узнают его историю и берут его с собой в княжеский дворец. В этом дворце живет княжна, которая тяжело заболела, поскольку ей не разрешили выйти замуж за любимого человека. Мальчику сначала не разрешают играть на свирели, чтобы не потревожить больную, но он играет в дальнем углу сада, музыка доносится до девушки, и она выздоравливает. Князь соглашается выдать ее замуж за любимого. По всей стране разносится слава о мальчике, который своей игрой на свирели исцеляет больных. После того как отец бросил сына в лесу, его жена по-настоящему заболела. Узнав о чудесном целителе, они пришли во дворец, чудец узнал сына, бросился к нему, а злая мачеха умерла от разрыва сердца. Мальчик становится дворцовым музыкантом и продолжает дарить всем чудесную музыку.

Основная идея этого повествования – искусство способно творить чудеса. Сюжетные мотивы этой сказки сводятся к следующим нормам и правилам поведения: зло не остается безнаказанным, мачеха добивается того, чтобы пасынок исчез из дома, но после этого заболевает; мальчик остается в живых в лесной чаще, его спасают, его талант хранит его от гибели; музыка способна вернуть людей к жизни, и основой жизни является чувство радости. Можно сделать вывод о том, что родительское сердце иногда делает серьезные ошибки. Отмечена гендерная специфика таких ошибок: отец уводит сына в лес, князь запрещает дочери выйти замуж за любимого человека. Отсюда следует, что в сказочном мире материнское сердце не ошибается. Обратим внимание на то, что муж боится остаться без хозяйки в доме, т. е. бытовой комфорт оказывается для него главным

моментом для принятия решения. Показана значимость клятвы в поведении людей: клятву нельзя нарушить.

Заключение

Сказочный сюжет представляет собой повествование о чудесных событиях, излагаемое с целью построения должной картины мира в занимательной форме и рассчитанное преимущественно на юных слушателей или читателей. Компонентами сказочного сюжета являются сюжетные мотивы, ходы развития сюжета, предполагающие выбор героя и продвигающие определенные ценности, нормы и обыкновения. Литературная сказка отличается от фольклорной, как правило, более сложной сюжетной линией, индивидуально-авторской спецификой изложения и оцен-

ки и факультативностью счастливого конца. Аксиологические характеристики армянских литературных сказок сводятся к подтверждению базовых общечеловеческих ценностей, с одной стороны, и акцентированию национально-культурной специфики армянской картины мира, с другой стороны. Эта специфика состоит в описании реалий армянской культуры, в именах собственных, раскрывающих характер персонажей, в характеристиках волшебных существ, населяющих сказочный мир Армении и сопредельных стран (вишапы и дэвы), и в лингвокультурных концептах, отражающих суровые условия выживания народа, подчеркивающих значимость ремесла как статусной характеристики человека, теплоту семейных уз, критику жестокой власти и интеллектуальной несостоятельности персонажей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адоньева С. Б. Сказочный текст и традиционная культура. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. 181 с.
2. Акименко Н. А. Лингвокультурные характеристики англосаксонского сказочного дискурса. Элиста : Изд-во Калм. ун-та, 2013. 152 с.
3. Гронская О. Н. Немецкая народная сказка: язык и картина мира : монография. СПб. : Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998. 440 с.
4. Зуева Т. В. Волшебная сказка. М. : Прометей, 1993. 237 с.
5. Медриш Д. Н. Путешествие в Лукоморье: сказки Пушкина и народная культура. Волгоград : Перемена, 1992. 144 с.
6. Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегал Д. М. Проблемы структурного описания волшебной сказки // Труды по знаковым системам. Вып. 4 (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та ; Вып. 236). Тарту, 1969. С. 86–135.
7. Муллер Н. А. Актуализация сказки как фактора формирования этноментального «сценария» // Национальные образы мира в художественной культуре : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г. Д. Гачева (1929–2008). Нальчик : Полиграфсервис и Т, 2015. С. 748–755.
8. Плахова О. А. Лингвосемиотика английской сказки: жанровое пространство, знаковая репрезентация, дискурсивная актуализация : монография. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2013. 308 с.
9. Пропп В. Я. Морфология сказки. Л. : Academia, 1928. 152 с.
10. Соборная И. С., Ворожбитова А. А. Этнокультурные особенности русских, польских и немецких сказок (лингвистический аспект) : монография. 2-е изд. М. : Флинта, 2014. 104 с.
11. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М. : Гослитиздат, 1940. 648 с.
12. Жирмунский В. М. К вопросу о международных сказочных сюжетах // Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и запад. Л. : Наука, 1979. С. 336–343.

13. Неклюдов С. Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов : сб. науч. тр. / под ред. Б. Н. Путилова. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. С. 221–229.
14. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору : сб. статей памяти В. Я. Проппа (1895–1970). М. : Наука, 1975. С. 141–155.
15. Силантьев И. В. Поэтика мотива / отв. ред. Е. К. Ромодановская. М. : Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
16. Силантьев И. В. Сюжетологические исследования. М. : Языки славянской культуры, 2009. 224 с.
17. Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
18. Веселова И. С. Конфликт лояльностей, или Путь за собственным «таланом» (на примере анализа сказок сюжета 402 АГ «Царевна-лягушка») // Genius Loci : сб. статей в честь 75-летия С. Ю. Неклюдова / сост. М. В. Ахметова, Н. В. Петров, О. Б. Христофорова (отв. ред.). М. : Форум, 2016. С. 194–228.
19. Миловидов В. А. Семиотика литературно-художественного дискурса. М. : Буки Веди, 2016. 172 с.
20. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. : Педагогика-пресс, 1994. 608 с.
21. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М. : Наука, Глав. ред. вост. лит-ры, 1976. 408 с.
22. Фрейдберг О. М. Миф и литература древности. М. : Наука, 1978. 605 с.
23. Червинский П. П. Фольклор и этимология. Лингвоконцептологические аспекты этносемантики. Тернополь : Крок, 2010. 420 с.
24. Мелетинский Е. М. Миф и сказка : сб. ст. / отв. ред. Б. Н. Путилов // Фольклор и этнография. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. 325 с.
25. Тен В. В. Миф и сказка: генезис и дифференциация // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 2 (15). С. 72–78.
26. Голосовкер Я. Э. Избранное. Логика мифа. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2010. 496 с.
27. Золян С. Т. Между миром и языком: к основами семиотики текста // Метод. 2015. № 5. С. 250–264.

28. Леонтович О. А. Слово и образ в поисках друг друга : монография. Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2022. 252 с.

29. Абышева Е. М. Хронотопические признаки реализации концепта «чудо» в текстах ирландских сказок // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2007. № 8. С. 214–222.

30. Карпова В. В. Языковые средства репрезентации концепта чудо в русской волшебной сказке (на материале текстов Вологодского края XIX–XXI вв.) // Вестник Вологодского государственного университета. 2017. № 4. С. 68–71.

31. Ласкова М. В., Ивченко М. В. Особенности функционирования лингвокультурного концепта «волшебство» в сказочном и рекламном дискурсах : монография. Ростов-на-Дону : ИПО ЮФУ, 2013. 116 с.

32. Бережкова Д. В. Понятие «доброта» в концептуальном пространстве английской народной сказки : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 20 с.

33. Ласкавцева Е. Ю. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой народной сказки : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2001. 24 с.

34. Нечай Ю. П., Поверенная А. А. Лингвокультурные концепты «Arbeit / Faulheit» в немецких и русских волшебных сказках // Германистика в современном научном пространстве : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2021. С. 169–175.

35. Воркачев С. Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta : монография. Волгоград : Парадигма, 2014. 331 с.

36. Дементьев В. В. Речевжанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи : монография. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2016. 396 с.

37. Савицкий В. М. Культурные сценарии как когнитивная основа фольклорной и языковой образности // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 3. С. 173–177.

REFERENCES

1. Adon'eva S. B. *Skazochnyj tekst i traditsionnaya kul'tura* [Fairy tale text and traditional culture]. Saint Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2000. 181 p. (in Russian).

2. Akimenko N. A. *Lingvokul'turnye kharakteristiki anglosaksonskogo skazochnogo diskursa* [Linguistic and cultural characteristic of Anglo-Saxon fairy tale discourse]. Elista, Kalmyk State University Publ., 2013. 152 p. (in Russian).

3. Gronskaya O. N. *Nemetskaya narodnaya skazka: yazyk i kartina mira: monografiya* [German folk fairy tale: Language and world view: A monograph]. Saint Petersburg, St. Petersburg Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 1998. 440 p. (in Russian).

4. Zueva T. V. *Volshebnyaya skazka* [Fairy tale]. Moscow, Prometej, 1993. 237 p. (in Russian).

5. Medrish D. N. *Puteshestvie v Lukomor'e: skazki Pushkina i narodnaya kul'tura* [A voyage to Lukomorye: Tales by Pushkin and the folk culture]. Volgograd, Pere-mena, 1992. 144 p. (in Russian).

6. Meletinskij E. M., Neklyudov S. Yu., Novik E. S., Segal D. M. Problems of structural description of a fairy

tale. *Tartu University Journal*, 1969, iss. 236, pp. 86–135 (in Russian).

7. Mullyar N. A. Actualization of a fairy tale as a factor of ethnic mentality script. In: *National world views in artistic culture: Materials of the conference devoted to Georgy Gachev (1926–2008)*. Nal'chik, Poligrafservis i T, 2015, pp. 748–755 (in Russian).

8. Plahova O. A. *Lingvosemiotika anglijskoj skazki: zhanrovoe prostranstvo, znakovaya reprezentatsiya, diskursivnaya aktualizatsiya: monografiya* [Linguistic semiotic properties of English fairy tales: Genre space, semiotic representation, discursive actualization: A monograph]. Tol'yatti, Togliatti State University Publ., 2013. 308 p. (in Russian).

9. Propp V. Ya. *Morfologiya skazki* [The fairy tale morphology]. Leningrad, Academia, 1928. 152 p. (in Russian).

10. Sobornaya I. S., Vorozhbitova A. A. *Etnokul'turnye osobennosti russkikh, pol'skikh i nemetskikh skazok (lingvitoricheskiy aspekt): monografiya* [Ethnocultural Features of Russian, Polish and German Fairy Tales (Linguistic Aspect): A monograph], 2nd ed. Moscow, Flinta, 2014. 104 p. (in Russian).

11. Veselovskij A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, Goslitizdat, 1940. 648 p. (in Russian).

12. Zhirmunskij V. M. On international fairy tale subject plots. In: *Zhirmunskij V. M. Sravnitel'noe literaturovedenie. Vostok i Zapad* [Comparative literature studies. East and West]. Leningrad, Nauka, 1979, pp. 336–343 (in Russian).

13. Neklyudov S. Yu. On some aspects of folklore motif studies In: *Fol'klor i etnografiya: u etnograficheskikh istokov fol'klornykh syuzhetov i obrazov: sb. nauch. tr. Pod red. B. N. Putilova* [Putilov B. N., ed. Folklore and Ethnography: On ethnographic sources of folklore subject plots and images: Coll. sci. arts]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1984, pp. 221–229 (in Russian).

14. Putilov B. N. Motif as a subject plot generating element. In: *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru: sb. statej v pamyat' V. Ya. Proppa (1895–1970)* [Typological studies of folklore: A collection of articles in memoriam of V. Ya. Propp (1895–1970)]. Moscow, Nauka, 1975, pp. 141–155 (in Russian).

15. Silant'ev I. V. *Poetika motiva. Otv. red. E. K. Romodanovskaya* [Romodanovskaya E. K., ed. Poetics of motif]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 296 p. (in Russian).

16. Silant'ev I. V. *Syuzhetologicheskie issledovaniya* [Studies of subject plot theory]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2009. 224 p. (in Russian).

17. Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. 312 p. (in Russian).

18. Veselova I. S. Loyalty conflict, or the way one's own destiny (on the material of plot No. 402 "A princess-frog"). In: *Genius Loci: Sbornik statej v chest' 75-letiya S. Yu. Neklyudova. Sost. M. V. Ahmetova, N. V. Petrov, O. B. Khristoforova (otv. red.)* [Ahmetova M. V., Petrov N. V., comp., Khristoforova O. B., ed. Genius loci: A Festschrift to S. Yu. Neklyudov]. Moscow, Forum, 2016, pp. 194–228 (in Russian).

19. Milovidov V. A. *Semiotika literaturno-khudozhestvennogo diskursa* [Semiotics of literary artistic discourse]. Moscow, Buki Vedi, 2016. 172 p. (in Russian).

20. Levi-Bryul' L. *Sverkh"estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [The supernatural in primitive thinking]. Moscow, Pedagogika-press, 1994. 608 p. (in Russian).

21. Meletinskij E. M. *Poetika mifa* [Poetics of Myth]. Moscow, Nauka. Glav. red. vost. lit-ry, 1976. 408 p. (in Russian).
22. Frejdenberg O. M. *Mif i literatura drevnosti* [Myth and literature of antiquity]. Moscow, Nauka, 1978. 605 p. (in Russian).
23. Chervinskij P. P. *Fol'klor i etimologiya. Lingvokontseptologicheskie aspekty etnosemantiki* [Folklore and etymology. Linguistic and conceptual aspects of ethnic Semantics]. Ternopol', Krok, 2010. 420 p. (in Russian).
24. Meletinskij E. M. Myth and fairy tale. In: *Fol'klor i etnografiya* [Folklore and Ethnography]. Leningrad, Nauka, 1970. 325 p. (in Russian).
25. Ten V. V. Myth and fairy tale: Genesis and differentiation. *International Journal of Culture Studies*, 2014, no. 2 (15), pp. 72–78 (in Russian).
26. Golosovker Ya. E. *Izbrannoe. Logika mifa* [Selected works. Logic of myth]. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2010. 496 p. (in Russian).
27. Zolyan S. T. Between world and language: To the foundation of text Semiotics. *Method*, 2015, no. 5, pp. 250–264 (in Russian).
28. Leontovich O. A. *Slovo i obraz v poiskakh drug druga: monografiya* [Word and image in search of each other: A monograph]. Volgograd, PrinTerra-Dizajn, 2022. 252 p. (in Russian).
29. Abysheva E. M. Chronotopic features of the realization of the concept “Miracle” in the texts of Irish fairy tales. *Chelyabinsk Pedagogical University Journal*, 2007, no. 8, pp. 214–222 (in Russian).
30. Karpova V. V. Linguistic means of representation of the concept “Miracle” in a Russian fairy tale (on the material of Vologda region in XIX–XXI centuries). *Vologda University Journal*, 2017, no. 4, pp. 68–71 (in Russian).
31. Laskova M. V., Ivchenko M. V. *Osobennosti funktsionirovaniya lingvokul'turnogo kontsepta “vol'shebstvo” v skazochnom i reklamnom diskursakh: monografiya* [Characteristic features of functioning of linguistic and cultural concept “Magic” in fairy tale and advertisement discourse: A monograph]. Rostov-on-Don, SFedU Publ., 2013. 116 p. (in Russian).
32. Berezhkova D. V. *The notion “Good will” in the conceptual space of English fairy tale*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2011. 20 p. (in Russian).
33. Laskavceva E. Yu. *Linguistic and cultural characteristics of the Russian and German folk fairy tale*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Krasnodar, 2001. 24 p. (in Russian).
34. Nechaj Yu. P., Poverennaya A. A. Linguistic and cultural concepts “Arbeit/Faulheit” in German and Russian fairy tales. *German Studies in the Modern Research: Materials of the VII International Scientific Conference*. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2021, pp. 169–175 (in Russian).
35. Vorkachev S. G. *Voploshchenie smysla: conceptualia selecta: monografiya* [Implementation of meaning: Conceptualia selects: A monograph]. Volgograd, Paradigma, 2014. 331 p. (in Russian).
36. Demytyev V. V. *Rechezhanrovyje kommunikativnye tsennosti v novykh i novejsih sferakh russkoj rechi: monografiya* [Speech genre communicative values in the new and newest spheres of the Russian speech: A monograph]. Saratov, Saratov State University Publ., 2016. 396 p. (in Russian).
37. Savickij V. M. Cultural scripts as a cognitive foundation of folklore and folklore and language images. *The Humanities Scientific Journal*, 2021, no. 3, pp. 173–177 (in Russian).

Поступила в редакцию 04.08.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 21.09.2023

The article was submitted 04.08.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 21.09.2023